

*На правах рукописи*



Минвалеев Сергей Андреевич

**ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ В  
СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Специальность 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Петрозаводск  
2021

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН)

**Научный руководитель:**

**Винокурова Ирина Юрьевна**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»

**Официальные оппоненты:**

**Фишман Ольга Михайловна**

доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Российский этнографический музей»

**Разумова Ирина Алексеевна**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона – филиала ФГБУН Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»

**Ведущая организация:**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 20 декабря 2021 г. в 12:00 на заседании Диссертационного совета Д.002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте [www.kunstkamera.ru](http://www.kunstkamera.ru).

Автореферат разослан \_\_\_\_ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета  
кандидат исторических наук



Т. С. Киссер

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы.** Изучение культуры различных подразделений этноса, дискуссии по поводу критериев их выделения и наименований, способы маркирования культурного пространства этнолокальных сообществ и его идентификация – узел взаимосвязанных проблем, вызывающих постоянный, с годами неугасающий интерес у отечественных этнологов. Актуальность подобных исследований объясняется и тем, что они позволяют отчетливее и детальнее представить ареальную дифференциацию традиционной культуры этноса и ее модификации, обнаружить неизвестные явления в этнической истории народа и его этнокультурных контактах.

В то же время следует заметить, что тема малых этнических подразделений получила неравномерное освещение в этнологии различных народов. В качестве примера можно назвать карелов – географически широко расселенный и разобщенный народ. Большая часть трудов по культуре карелов в российской этнологии и фольклористике в основном касается разных по величине ареалов, очерченных географическими или административными границами. Вместе с тем на этом фоне до сих пор отсутствуют этнологические работы, посвященные изучению различных сфер традиционной культуры групп, объединенных на основе языкового признака (наречия) и имеющих общее и локальное самосознание, выраженное в этнонимах, т. е. субэтнических групп карельского народа.

Одной из таких групп являются карелы-людики и их традиционная культура, которая в работах российских исследователей, как правило, не дифференцировалась и рассматривалась в рамках южнокарельской культуры. Финляндские ученые также уделяли гораздо меньше внимания людиковской территории, чем Северной Карелии и южному приграничью, так как она находилась вдалеке от границы; к тому же практически все эти исследования носили лингвистический характер. В связи с данными обстоятельствами многие сферы традиционной культуры карелов-людиков не были детально изучены. На сегодняшний день в научной литературе нет полного этнографического и сравнительно-исторического описания обрядов жизненного цикла этой субэтнической группы. Представленное диссертационное исследование направлено на устранение этого пробела.

Важность изучения обрядов жизненного цикла людиков вызвана и тем, что до сих пор нет единого мнения относительно происхождения данной группы и ее языка. Отечественные лингвисты выделяют язык людиков в качестве наречия карельского языка, сформировавшегося из вепского и карельского компонентов. Ряд финляндских языковедов объединяют людиковские говоры в самостоятельный прибалтийско-финский язык, принадлежащий отдельному народу – людикам. В связи с разными мнениями лингвистов актуальным представляется исследование обрядов жизненного цикла людиков в качестве этногенетического источника, что могло бы укрепить некоторые концепции, выдвинутые на основе языковых данных, и внести этнологическую лепту в решение вопросов, связанных с формированием этой группы.

В то же время изучение традиционной культуры карелов-людиков представляется своевременным и с практической точки зрения. Представители этой группы в последнее время выражают стремление сохранить свой язык, определить его этнический статус и значимость культурного наследия на общекарельском фоне. При этом исследовательские задачи требуют ускоренного решения, поскольку людики подвергаются стремительной ассимиляции.

**Объектом** исследования является субэтническая группа карелов-людиков, **предметом** – их свадебный и похоронно-поминальный ритуалы, относящиеся к разряду обрядов жизненного цикла. Выбор только двух ритуалов жизненного цикла объясняется состоянием источниковедческой базы, которая дает возможность их рассмотрения в свете этногенетической проблемы. Родильная обрядность из-за ограничения объема диссертации и недостаточной репрезентативности источников осталась за рамками данного исследования.

**Территориальные рамки** исследования определяются пространством расселения карелов-людиков, проживающих в Кондопожском, Прионежском, Пряжинском (северные и средние людики) и Олонецком (михайловские людики) р-нах Карелии.

**Хронологические рамки** охватывают период конца XIX – начала XXI в. Выбор нижней временной границы объясняется датировкой первых источников по этой теме. Верхняя хронологическая граница исследуемых обрядов жизненного цикла определяется периодом сборов полевого материала.

Цель и задачи данного исследования объясняются слабой изученностью темы и направлены на решение проблем, связанных с происхождением и этнокультурной историей людиков и шире – карелов.

**Цель работы** – на основе систематизации различных источников дать сравнительно-историческое описание традиционного свадебного и похоронно-поминального ритуалов жизненного цикла карелов-людиков. Это позволит обозначить стадиальные пласты обрядового культурогенеза, отражающие периоды этнической истории этой группы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. На материале обрядности жизненного цикла проследить культурно-бытовые связи карелов-людиков с другими карельскими этнолокальными группами и иноэтническим окружением.

2. Выяснить, из каких этнических компонентов складывалась обрядность жизненного цикла людиков и ее хронологические напластования.

3. Выявить пласт явлений православного происхождения в свадебном и похоронно-поминальном ритуалах людиков.

4. Определить общие черты и локальные особенности в свадебном и похоронно-поминальном ритуалах основных этнодиалектных групп, составляющих людиковскую субэтническую общность.

5. Показать изменения в традиционной свадебной и похоронно-поминальной обрядности карелов-людиков под влиянием политических и социально-экономических перемен XX – начала XXI в.

**Методология и методы исследования.** Теоретическую основу диссертации составили многочисленные работы российских ученых (Ю. В. Бромляя, В. В. Пименова, Т. А. Бернштам, О. М. Фишман, К. К. Логинова, В. С. Бузина, С. Б. Егорова и др.) об этнических подразделениях (этнолокальная группа, этнолингвистическая группа, этноконфессиональная группа, субэтнос и т. д.). Определен подход к феномену выделения людиков в русле конструктивизма (В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев) в финляндских научных кругах.

Важное методологическое значение имели работы, посвященные теории «обрядов перехода» А. ван Геннепа, структуре и семантике ритуалов жизненного цикла А. К. Байбурина, Н. П. Лобачевой, А. В. Гуры, А. К. Салмина и др. В связи с тем, что обрядам церковного происхождения среди карелов советскими учеными не было уделено должного внимания, ориентирами для их изучения стали труды М. М. Громыко, А. В. Буганова, Т. А. Бернштам, И. А. Кремлевой, Т. А. Листовой о народных православных обрядах и языческо-христианском синкретизме у русских.

Для воссоздания обрядов использовался комплексный подход к источниковедческой базе исследования, в которую вошли архивные и полевые материалы, публикации по гуманитарным наукам. Систематизация материала проходила по принципу агрегирования, т. е. накопления разрозненных фактов из источников разного типа.

Сбор полевых материалов проводился с помощью методов непосредственного наблюдения и интервью по специально подготовленному вопроснику, сопровождаемых аудио-, фото- и видеofиксацией. При проведении интервью и его последующем анализе использовался биографический метод, который дает возможность определить время функционирования обряда и его состояние.

Ключевым методом исследования являлся сравнительно-исторический анализ, основная стратегия которого была обращена на выявление общего и особенного в терминологии, половозрастных, предметных, акциональных и вербальных компонентах ритуалов и объяснение причин их появления.

Автор использовал опыт изучения ритуалов в сравнительно-историческом и сравнительно-этнолингвистическом плане Н. И. Толстого и его школы, Ю. Ю. Сурхаско, К. В. Чистова, И. Ю. Винокуровой и др.

В ряде случаев, где позволял количественный и качественный состав материала, использовался метод картографирования для определения пространственного размещения людиковских терминов и обрядов в сравнении с соседними народами и группами карелов, их ареальных особенностей и причин такой локализации.

**Степень изученности темы.** Обряды жизненного цикла людиков никогда не были предметом специального научного изучения. Построение историографии и выявление источников исследования началось с составления подробного перечня поселений, в которых, по сведениям лингвистов, проживали носители людиковского наречия. В перечень были включены людиковские поселения, которые в XX в. подверглись стремительному обрусению и в более поздних источниках уже указывались как русские: Ялгуба, Суйсарь, Шуя, Заозерье, Сулажгора и Соломенное – два последних ныне представляют районы Петрозаводска, а село Кондопога преобразовалось в город.

Первые сведения об отдельных обычаях и обрядах жизненного цикла карелов-людиков можно обнаружить в периодической печати последней трети XIX – начала XX в. Большой вклад в изучение людиков внес этнограф, педагог и писатель Н. Ф. Лесков, уроженец людиковского с. Святозера.

Только в советское время начинается научное изучение традиционной культуры карелов, в том числе людиков, связанное с такими именами, как Р. Ф. Никольская (Тароева) и Ю. Ю. Сурхаско. В монографии Р. Ф. Тароевой (1965) содержатся фрагментарные сведения по свадебной обрядности людиков.

Итогом многолетних исследований Ю. Ю. Сурхаско стали фундаментальные монографии (1977, 1985) и статьи, посвященные свадебной, родильной и похоронно-поминальной обрядности карелов конца XIX – начала XX в. Для нашего исследования работы Ю. Ю. Сурхаско являются основополагающими, так как они содержат подробную информацию для сравнительно-исторического анализа. Тем не менее в них выявляется и ряд пробелов. Ю. Ю. Сурхаско не разделяет обряды людиков и ливвиков и рассматривает их в составе южнокарельской обрядности, только иногда отмечая принадлежность некоторых обрядов к той или иной группе, а также недостаточно внимания уделяет православным компонентам свадебной и похоронно-поминальной обрядностей, что было продиктовано условиями советского времени.

С 1990-х гг. учеными Карелии под руководством В. П. Орфинского стали проводиться междисциплинарные исследования отдельных карельских поселений. Первым их результатом явилась коллективная монография об обрусевшем людиковском поселении Суйсарь, содержащая главы об обрядовой культуре.

В статье А. П. Конкка (2017) содержатся сведения о людиковской погребальной обрядности из работ Н. Ф. Лескова и П. Виртаранты с добавлением собственных материалов автора, собранных в некоторых поселениях людиков в 1970 и 2012 гг. В основе его работы «Сямозерская свадьба» (2015) лежит рассказ местной жительницы о людиковско-ливвиковском заключении брака. В диссертации учтены и другие работы А. П. Конкка, посвященные деревням «карсикко», которые вырубались по случаю свадьбы и смерти человека, и мифологии карелов.

Сведения о карельской добрачной и свадебной обрядности можно найти также в трудах Л. И. Ивановой и В. П. Мироновой (2016, 2018). Свадьбе михайловских людиков на основе полевых записей посвящена статья этномузыковеда С. Ю. Николаевой (2018).

Для исследования ритуалов использовались публикации и о других сферах традиционной культуры людиков. Статья Л. В. Трифионовой (2005) о пище кондопожских и пряжинских карелов-людиков содержит информацию о поминальных угощениях. В работе Т. В. Пашковой (2018) о народной медицине карелов имеются сведения о болезнях, передающихся от покойника.

Таким образом, историографический обзор показал, что мы располагаем неполной и разрозненной информацией об обрядах, которая неравномерно покрывает людиковскую территорию, сгущаясь в основном в святозерском и михайловском ареалах. Для восполнения пробелов и выполнения задач исследования потребовалось привлечение дополнительных источников.

**Источники исследования.** В диссертации использован комплекс взаимодополняющих источников (опубликованных, архивных и полевых):

1. Опубликованные работы можно разделить на пять групп:

а) *фольклорные источники.* Для диссертации хорошим подспорьем послужили работы фольклористов У. С. Конкка (1992) и А. С. Степановой (2003), сборник «Карельские причитания» (1976), содержащий причеты Святозера, издание М. Пахомова по фольклору михайловских людиков (2012) и др.;

б) *лингвистические источники.* Важным источником для воссоздания обрядов являются словари и образцы речи. Словарь людиковского языка под редакцией Ю. Куйола (1944) содержит множество терминов из обрядовой жизни. Для работы привлекались также сопоставительно-ономасиологические, фразеологические, этимологические и этнолингвистические словари прибалтийско-финских и славянских языков.

Севернолюдиковский ареал охватывают «Образцы людиковской речи» финляндских языковедов (1934) и пятитомная серия «Людиковских текстов», записанная П. Виртаранта от С. Годарева, уроженца д. Галлезеро (1963–1984). Среднелюдиковской традиции посвящены шестой том «Людиковских текстов» П. Виртаранта (1994), состоящий из записей святозерской сказительницы А. В. Чесноковой, и «Образцы людиковской речи» (1978) А. П. Баранцева. Образцы речи михайловского диалекта представлены в «Хрестоматии близкородственных языков» П. Виртаранта (1967) и «Людиковских текстах Кууярви» М. Пахомова (2011);

в) *археологические и исторические источники.* При работе над диссертацией потребовалось привлечение ряда трудов по археологии и истории людиковской и смежных территорий, а также исторической демографии. Особого упоминания заслуживает литература о православии в Карелии, в том числе и старообрядческого прошлого Кондопожского края;

г) *периодические издания на национальных языках и интернет-ресурсы.* В работе использованы научно-популярные статьи по теме исследования, опубликованные на людиковском наречии, финском и русском языках в периодических журналах и интернет-ресурсах;

д) *труды гуманитарного профиля о финно-угорских и славянских народах.* Для проведения сравнительно-исторического анализа людиковских обрядов жизненного цикла с целью выявления их этнических корней, связей и особенностей привлекалась литература по аналогичной теме у других групп карелов, родственных и соседних народов.

2. Архивные и полевые материалы:

В работе широко использовались материалы из архивов Финляндии и России. Внушительную коллекцию по карелам-людикам содержит Фольклорный архив Финского литературного общества (SKS) в Хельсинки, с которой автор имел возможность познакомиться в результате годичной научной стажировки. Большинство материалов было собрано финляндскими исследователями, находящимися на оккупированной Финляндией людиковской территории в годы Великой Отечественной войны.

Следует отметить и данные экспедиций под руководством Н. И. Богданова (1946), Р. Ф. Тароевой (1950-е гг.), В. В. Пименова (1959) и Ю. Ю. Сурхаско (1965–1976), хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН.

В фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся аудиозаписи, сделанные во время комплексной экспедиции к михайловским и средним людикам И. Ю. Винокуровой в 2012 г. Они до сих пор не были использованы ни в работах собирателя, ни в публикациях других исследователей.

В диссертацию также вошли полевые материалы автора, собранные во время экспедиции к кондопожским людикам в 2016 г., а также одиночных выездов к людикам и ливвикам.

**Научная новизна работы.** Систематизация широкого круга разнообразных источников позволила впервые составить подробное описание свадебного и похоронно-поминального ритуалов карелов-людиков и рассмотреть их во взаимосвязи с этнической историей и языковыми особенностями. Диссертационное исследование предоставляет новую информацию для изучения истории и культуры карелов и их этнокультурных контактов. В научный оборот вводятся новые оригинальные архивные и полевые материалы, а также малоизвестные российскому читателю данные из финноязычной литературы. В работе впервые представлена выявленная по различным источникам и систематизированная обрядовая терминология, карелов-людиков.

**Теоретическая и практическая значимость.** Результаты исследования представляют собой важную информацию, которая может быть использована для реконструкции этнической истории народов Карелии и решения ареальных проблем, связанных с соотношением культурных, языковых и этнических границ. Очевидна также их значимость при сравнительном изучении свадебных и похоронно-поминальных обрядов финно-угорских народов.

Материалы и выводы работы могут быть применены в учебном процессе для подготовки лекций и учебников по этнографии, фольклористике и лингвистике карелов и их групп; при руководстве студенческими курсовыми и дипломными работами; в экспозиционной и экскурсионной деятельности музеев.

Важная практическая сторона изучения традиционных свадебных обрядов людиков – помощь в мероприятиях по их проведению. О востребованности традиционных обрядов среди новобрачных говорят некоторые факты. В 2013 и 2014 гг. отделом ЗАГС Пряжинского р-на совместно с фольклорным коллективом с. Святозера были проведены торжественные церемонии бракосочетания с элементами карельской свадьбы, а в 2014 г. в д. Палнаволок Михайловского сельского поселения была полностью сыграна свадьба по старинным людиковским обычаям.

#### **Основные положения, выносимые на защиту:**

1. В результате этнокультурного взаимодействия с соседними народами, вызванного в том числе развитием металлургической промышленности на севернолудиковской территории в XVIII в., карелы-людики становятся проводниками распространения культурного влияния на земли вепсского Прионежья и русского Заонежья. Некоторые обрядовые компоненты карельского происхождения прионежские вепсы и заонежане переняли от людиков.

2. Традиционная обрядность людиков (свадебный и похоронно-поминальный циклы) сформировалась из этнически разнородных по происхождению компонентов – слабо выявляемого вепсского, довольно значительного карельского и преобладающего русского, усиленного влиянием православия. Карельский пласт, представляющий собой древнекарельский субстрат и последующие заимствования от соседних карельских групп, составил основу обрядности людиков. Карельский пласт оказался особенно значительным на территории средних (пряжинских) и северных (кондопожских) людиков. Вепсский пласт, ярко отразившийся в людиковских говорах, мало заметен в материалах по обрядности жизненного цикла (и то в основном у михайловских людиков). Русский пласт оказался доминирующим в людиковской обрядности: русское влияние в основном шло с востока, с территории русского Заонежья.

3. Проникновение православных идей и церковных обрядов в свадебный и похоронно-поминальный ритуалы людиков было неодинаковым. Элементы православного происхождения в рамках свадебного ритуала включали в себя: православные даты,

оформляющие периоды массового сватовства, заключения браков, праздничной гостьбы девушек; неоднократное родительское благословение иконой жениха и невесты; богомолье; венчание. В похоронно-поминальной обрядности православный пласт был более заметным. Почти весь процесс похорон сопровождался молитвами («Трисвятое», «Вечная память»), литиями, которые мог исполнять как священник, так и сами участники похорон. Церковным канонам были продиктованы исполнения таинств исповеди и отпевания; обмывание тела; использование чистой неношенной одежды для покойника; устройство гроба по возможности скромным; ночные бдения; зажигание свечей и лампад; укладывание покойного головой к иконам; кажение дома и могилы; ориентировка могил по направлению запад – восток; устройство поминок на третий, девятый, двадцатый и сороковой дни, а также во время определенных церковных праздников.

4. Свадебная и похоронно-поминальная обрядность карелов-людиков на общекарельском фоне обладала характерными особенностями: более строгим отношением к добрачному целомудрию невесты (что объясняется более сильным влиянием официальной религии); включением в состав свадебных чинов двух дружек; использованием платка при прощании с умершим в доме, выделяемым как «людиковский» обычай самими представителями этой группы. Как и у вепсов, у людииков бытовало два типа похорон, различных по эмоциональной атмосфере: скорбные похороны с причитаниями и «веселые» похороны.

5. В результате неравномерного воздействия природно-географических и социально-экономических факторов, а также межэтнических контактов на людиковской территории сложились обрядовые ареалы: севернлюдиковский, среднелюдиковский и михайловский, в какой-то мере совпадающие с диалектными ареалами и административными границами.

6. В XX – начале XXI в. происходит неодинаковая трансформация свадебного и похоронно-поминального ритуалов людииков. Традиционная свадебная обрядность бытовала в довольно полном виде в людиковских деревнях до 30-х гг. XX в. Обряд венчания и разделение свадьбы на выводной и приводной столы ушли в прошлое, уступив место обязательной регистрации в сельсовете (позднее – в загсе) и общему застолью. Обряды сватовства и послесвадебной бани продолжали соблюдаться, но в усеченном виде. В похоронно-поминальной обрядности, напротив, многие традиционные ритуалы до сих пор продолжают сохраняться, заметно возвращение утраченной в советский период традиции отпевания.

**Апробация результатов исследования.** Результаты исследования нашли отражение в ряде докладов на научных мероприятиях, организованных в России и за рубежом: конгрессах антропологов и этнологов России (2015, 2017, 2019); Шёгреневских чтениях (2015, 2018); конференциях «Динамика этнокультурных процессов» (2016, 2019); международных студенческих конференциях финно-угроведов IFUSCO (2016, 2017, 2021) и др.

Результаты диссертационной работы изложены в 19-ти научных публикациях (общий авторский вклад – 8,25 п. л.), в том числе в пяти статьях в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, две из которых (в соавторстве) относятся также к изданиям, входящим в зарубежные системы цитирования SCOPUS и WoS.

**Структура диссертации.** Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка сокращений и условных обозначений, Списка источников и литературы, приложений.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, определены цель и задачи исследования, его объект и предмет, территориальные и хронологические рамки работы, представлены методологическая основа и методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. В одном из разделов Введения представлен краткий историко-этнографический очерк о людиках.



В настоящее время численность людиков насчитывает 4–5 тыс. человек и только около 150 из них являются носителями людиковского наречия. Людики называют себя *lyudiläižed* и считают себя представителями карельского народа. Активное распространение самоназвания «карелы» среди людиков началось только после введения паспортизации в 1930-е гг., способствующей карелизации людиковского субэтноса. Для заполнения графы «национальность» руководствовались «Списком национальностей», в котором людиков не было, указывались только карелы.

В научном мире споры о языковой и этнической идентификациях людиков не прекращаются до сих пор. В Финляндии различные концепции о языковой принадлежности людиковских диалектов развивались с 1820-х гг. от определения отдельных говоров в качестве вепских или олонецко-карельских к постепенному признанию их уникальности в рамках самостоятельного прибалтийско-финского языка. Эта точка зрения, высказанная П. Виртаранта во второй половине XX в., в дальнейшем была развита в работах М. Пахомова, который к тому же выделяет людиков в отдельный этнос, отличный от карелов, но отмечает, что народ имеет право сам определиться со своей этнической идентичностью.

В дореволюционной России власти Олонецкой губернии причисляли людиков, как правило, к карелам, хотя и отмечали их «чуждое» (вепское) происхождение и «значительное отличие от языка олонецких карелов». В современной российской лингвистике, начиная с Д. В. Бубриха, язык людиков принято относить к одному из наречий карельского языка. Новейшее исследование группы финляндских и российских языковедов, основанное на сравнительном анализе фонетических и морфологических систем карельских диалектов и говоров, подтверждает российскую точку зрения о единстве карельского языка, к которому относится и людиковское наречие.

Согласно различным классификациям, в людиковском наречии принято выделять от трех до восьми диалектов. К наименьшей из них относится современная финская классификация, по которой говоры карелов-людиков делятся на северный (охватывает Кондопожский и частично Прионежский р-ны Карелии), средний (частично Прионежский и Пряжинский р-ны) и южный (с. Михайловское Олонецкого р-на) диалекты.

По данным комплекса источников, историю формирования населения в людиковском ареале расселения можно представить следующим образом.

К началу I тыс. н. э. на Онежско-Ладожском перешейке складывается прасаамская общность. Примерно в X–XI вв. начинается колонизация этого ареала *весью* – предками вепсов, постепенно ассимилирующими саамов. К XII в. на территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья формируется народность *корела*, которая с XIII в. начинает спорадически осваивать Онежско-Ладожский перешеек, встречая на своем пути древневепское население. Неравномерные взаимодействия карельских и вепских племен положили начало образованию двух этнических групп карельского народа – ливвиков и людиков, в языках которых сохранился вепский субстрат.

Во второй трети XIII в. начинается массовая крестьянская колонизация Свири славянами из Новгородско-Псковских земель. Многие ученые связывают происхождение эндоэтнонимов «ливвики» и «людики» со славянской колонизацией. По отношению к карелизированным вепсам, проживающим к северу от Свири, начинает применяться термин русского происхождения *люди*, которым в Древней Руси называли свободное население. В результате процессов, связанных с фонетическими особенностями ливвиковского наречия карельского языка, у ливвиков основа *lyudi-* перешла в *livvi-*.

Отправной точкой формирования современных групп ливвиков и людиков можно назвать подписание Столбовского мирного договора 1617 г., повлекшего за собой миграцию Приладожской корелы вглубь России. Спасаясь от конфессионально-репрессивной политики Шведского государства, мигранты частично оседали в деревнях Онежско-Ладожского перешейка, что способствовало их сближению и консолидации с ливико-людиковским

населением. При этом прежнее этническое самосознание ливвиков и людиков постепенно становилось локальным в пределах общезтнической карельской идентичности.

Северной границей людиков (а в прошлом – предков вепсов) по низовьям р. Суны стала природная и культурная граница, отделяющая территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия. Южной и восточной границами людиковской территории были р. Свирь и Ивина, служившие основными дорогами для русского освоения Карелии. Русские крестьяне, двигавшиеся по этим рекам, постепенно разъединяли вепское и карельско-людиковское население.

На установление западной границы, разделяющей ливвиков и людиков, повлиял выход вепсов на север вдоль транзитного водно-волокового пути, соединяющего Присвирье по р. Важинке и Шуе с Онежским оз. и Белым морем. Приток вепского населения вдоль р. Шуи препятствовал движению карелов с запада на восток, и в результате к востоку от вепского пути сформировалась людиковская территория, в языке жителей которой вепский компонент значительно более мощный, чем в западном ливвиковском наречии.

В первой главе «Свадебная обрядность карелов-людиков» на основе комплекса источников дано описание трех циклов этой обрядности – предсвадебного, собственно свадьбы и послесвадебного и осуществлен ее сравнительно-исторический анализ. Условными границами свадебного ритуала были взяты год жизни молодежи до вступления в брак и несколько недель после свадьбы.

В § 1.1. «Предсвадебный период» анализируются обрядовые циклы, связанные с выбором невесты, сватовством и подготовкой к собственно свадьбе.

§ 1.1.1. «Общение молодежи и обряды поднятия лемби» посвящен рассмотрению добрачных обычаев карелов-людиков. Основным местом знакомства молодежи, приводившим к заключению брака, были праздники и посиделки (*bes'odad* – ‘бесёды’). В таких мероприятиях активно участвовали девушки, приезжавшие на праздник из другой деревни к родственникам по материнской линии (*adivo* – ‘гость, гостья’). Институт *adivo* являлся карельским по происхождению и от людиков был перенят прионежскими вепсами и русскими Заонежья. Другим компонентом карельского происхождения, обнаруженным в людиковской культуре, стали представления о *lembi*, связанные с качественной характеристикой девушки и, прежде всего, с ее привлекательностью для противоположного пола, а также обряды «поднятия лемби» (*lemben nostand*). От людиков они распространились к соседним вепсам и заонежанам под названием *славутность*. В более раннее время понятие *лемби* у карелов относилось к представителям обоих полов. У северных людиков этот факт отразился в термине *lembekäz briha* (‘обладающий лемби парень’) и в обычае заготавливать парню особый веник, аналогичный для банного обряда «поднятия лемби» у девушек.

В § 1.1.2. «Сватовство» отмечается, что ритуализированное предложение парня и его родни родителям девушки выдать их дочь замуж включало два этапа: предварительное сватовство (*спрос*) и собственно сватовство, состоящее из брачного предложения, смотрин невесты, совета родственников (*duum* – ‘дума’) и ответа сватам.

Сватовство у людиков состояло из различных этнических компонентов. К общеприбалтийско-финским компонентам относятся названия сватовства (*kožit'suz*) и сватов (*sulhažet*), обмена залогами (*kihlad*). Компоненты карельского происхождения – время организации сватовства и заключения браков (Рождество Христово) в деревнях северных и средних людиков; обрядовые атрибуты главного свата – ольховый посох с наростами, палка с развилкой на конце или мотовило; включение в сватовство обрядов, связанных с представлением о *лемби* и ее охране; публичный характер сватовства с участием молодежи и соседей. Однако эти компоненты были неравномерно распространены на территории расселения людиков. Например, широкое использование сватального ольхового посоха у северных людиков объяснялось влиянием соседних сегозерских карелов. Традиция символического отказа сватам у людиков в Михайловском – подвязывание к саням жениха или к его поясу мутовки – была распространена также среди некоторых обрусевших, прионежских

и оятских вепсов. Можно предположить, что этот компонент является вепским в свадебной обрядности михайловских людиков.

С русским влиянием связано распространение чинов в сватовском поезде (*дружка, сват, шафер* и т. д.), выдвигание на первый план чина старшего свата (*vanhemb svuat*) вместо колдуна и наличие у него магического атрибута – кнута.

В § 1.1.3. «Посещение дома жениха и обряды оформления согласия на брак» анализируются такие обряды, как слившиеся вместе «смотрение места» (*siet kat't'šumai*) и *приказ, ряды*; не разделенные временным промежутком богомолье и рукобитье. После положительного ответа сватам начинались причеты (*virž*), которые у людиков исполнялись как на карельском, так и на русском языках, чаще всего не самой невестой, а ее родственницей или приглашенной причитальщицей (*virzittaj; it'kettai; oldali* – ‘подоплечница’).

В § 1.1.4. «Период от рукобитья до собственно свадьбы» рассматриваются термины для просватанной девушки: карельского происхождения – *andilas* (‘выдаваемая’) и русского – *nevest* (‘невеста’) или *knägin* (‘княгиня’) – последнее наименование дальше людиковского ареала не распространялось. Важное место в этот период занимали вечеринки в доме невесты. В отличие от севернорусской невесты, которая на молодежных вечеринках в основном плакала, у людиков поведение просватанной девушки, как и у остальных карелов, было лишено печали.

Перед свадьбой для невесты устраивали девичью баню (*neičuskyly*), известную у северных русских и многих финно-угорских народов. У людиков перед девичьей баней совершался обряд русского происхождения – «расставание с волей» (*vol'at laskettia* – ‘волю отпустить’), служивший, как и баня, символическим прощанием с девичеством.

§ 1.2. «Собственно свадьба» посвящен рассмотрению трех циклов обрядов – выхода невесты из рода отца («выводной стол»), церемонии венчания брачующихся и приобщения молодой к роду мужа («приводной стол»).

В § 1.2.1. «Обряды выводного стола» автор приходит к заключению, что обряды, совершаемые во время выводного стола (*neičet bokas* – ‘на стороне девушки’), были в основном русского происхождения: благословение молодых; выкуп невесты и привод к жениху; игровая подмена невест и женихов; прощание невесты с родным домом, стоя на шубном одеяле. Для обозначения участников свадьбы также использовались русские термины: *поезд, брудги, клетник* и т. д.

Важную роль в жениховом поезде играл колдун-клетник (*klietnik, tiedoinikka*), который занимался защитой от порчи молодой пары. Участие колдуна в свадьбе чаще всего носило тайный характер, что объясняется большим влиянием православия на южнокарельский тип свадьбы. Позднее клетника мог заменить *дружка* или *шафер* (у северных людиков). Характерным для людиков, как и вепсов, было включение в свадебный ритуал двух дружек (шаферов). Доказано, что эта традиция представляла собой севернорусское заимствование.

К традициям карельского происхождения относится доброжелательный прием родственников жениха родней невесты, различные обряды с использованием киселя и др.

Фольклор людиковской свадьбы (помимо причитаний в доме невесты) состоял из свадебных песен, исполняемых преимущественно на русском языке, хотя набор сюжетов и интонации напевов величаний михайловских людиков практически совпадают со свадебным репертуаром оятских вепсов. У средних людиков сохранились и рунические песни калевальской метрики на мотив «сватовства кузнеца Илмаллиненна», выполнявшие обережную функцию на свадьбе.

В § 1.2.2. «Венчание» отмечается важность церемонии венчания (*vent'š*) у людиков, после которой жених и невеста переходили в статус мужа и жены и получали названия – *miež* (‘муж’) и *miššoi, moloduh* (‘молодуха’). В состоянии *молодухи* женщина пребывала до рождения первого ребенка, после чего ее именовали *akk* (‘баба’).

В советское время происходит постепенная трансформация регистрации брака. В 1920-е гг. церковное бракосочетание было дополнено гражданским, а уже в 1930-е гг. регистрация супругов проходила только в сельсовете. Во второй половине XX в. участники свадьбы сначала

направлялись на регистрацию своих отношений в сельский совет, после чего устраивалось общее застолье, без разделения на выводной и приводной столы.

В § 1.2.3. «Обряды в доме жениха» рассматриваются обряды приводного стола (*prihan bokas* – ‘на стороне парня’; *knäzövöi stola* – ‘князевый стол’).

В доме жениха статус *молодухи* закреплялся обрядом окружения – перемены прически невесты и надевания на нее головного убора замужней женщины (повойник, чепец и более ранние – кокошник, сорока). Русским влиянием обусловлены такие элементы приводного стола, как хваление невесты, «поздравительный стол» после него и материальная помощь новобрачным со стороны родни. Неудачу первой брачной ночи объясняли насланной на жениха порчей, носившей, как и у вепсов, название *panda pinoho* (‘положить в поленицу’).

В § 1.3. «Послесвадебный период» дана характеристика обрядности второго дня свадьбы и следующих за ней гостевых посещений родственников, способствующих закреплению установленных брачно-родственных связей.

В § 1.3.1. «Обряды второго дня» рассматриваются обряды, совершаемые после первой брачной ночи: побудка и баня для молодоженов и родителей жениха; катание в санях; пир с повторным чествованием молодой (*чарочка*); исполнение песен и плясок. Второй день людиковской свадьбы был наполнен ритуалами публичной демонстрации целомудрия *молодухи*: разбивание посуды (во время бужения молодых, утреннего чаепития, бани); подвязывание красной ленты к бутылке вина во время «чаркового стола» (*tšark stola*). Данные обряды заимствованы от русских, но приобрели в людиковской среде особые модификации, например, в виде употребления людиковских вербальных компонентов, сопровождающих битье посуды. Следовательно, отношение к вопросу «честности» невесты у людиков было довольно строгим, объясняемым большим влиянием православной традиции на жизнь людиков по сравнению с другими группами карелов. Влияние церкви особенно заметно в обрядности северных людиков, территория которых характеризовалась близостью к городам и лучшей транспортной доступностью.

Людиковская послесвадебная баня включала выразительные обряды приобретения родителями жениха статуса свекра и свекрови. Аналогичные обряды бытовали у ливвиков, прионежских вепсов и русских Заонежья. Эти параллели, возможно, объясняются влиянием развитой южнокарельской банной традиции на северновеппскую и заонежскую.

§ 1.3.2. «Гостьба между породнившимися семьями» посвящен визитам новобрачных к родителям жены после свадьбы (*püördükšile* – букв. ‘на возвращение’; *munaritsale* – букв. ‘на яичницу’), тестя и тещи в дом зятя (*pätšid sordama* – букв. ‘печку ломать’). Важными в обрядовом наполнении «возвращения» были демонстрация девственности невесты (особое поедание яичницы зятем) и получение основного приданого (скота, птицы, хозяйственного инвентаря). В центре ответной гостьбы тестя и тещи, следовавшей сразу после возвращения или через несколько дней и даже недель, находился обряд с печью, определяющий семейное благополучие.

Во второй главе «Похоронно-поминальная обрядность карелов-людиков» на основе комплекса источников дано сравнительно-историческое описание трех циклов этой обрядности – наступление смерти и подготовка покойного к погребению; похороны; поминальный цикл. Рассматриваются инновации, появившиеся в советский и постсоветский периоды.

У михайловских людиков, как и у вепсов, были распространены два типа похорон: скорбные похороны с причитаниями и «веселые» похороны, бытовавшие в наиболее полном объеме до второй половины XX в. В меньшей степени отголоски «веселения покойника» встречаются у средних и северных людиков, а также у некоторых ливвиков и сегозерских карелов.

В § 2.1. «Смерть и подготовка покойного к погребению» воссоздан первый цикл похоронно-поминального ритуала и связанные с ним религиозно-мифологические представления.

В § 2.1.1. «Традиционные представления людиков о душе, смерти и загробном мире» рассмотрен мировоззренческий комплекс карелов-людиков, связанный с понятиями «душа», «смерть» и «иной мир». Много примет о смерти касалось птиц, необычное поведение которых (удар в окно, стук в стену дома) интерпретировалось народом как скорая кончина члена семьи. Особой вариативностью отличались представления о кукушке – воплощении души умершего. В то же время у михайловских людиков обнаружена характерная для карелов связь кукушки с солнцем – символом жизни. Некоторые аналогии обнаруживаются у индоевропейских народов: например, мифологические представления о связи курицы (петуха) со смертью, сакральное отношение к залетевшей бабочке, представления о радуге – мосте в иной мир. У людиков выявляются и общекарельские воззрения о связи разных пород деревьев со смертью человека: предсказания смерти при падении сосны, ели (Михайловское) или любого дерева (Спасская Губа).

Кончину (*kuolend, surm* – ‘смерть’) людики понимали как акт отделения души от тела, который происходит по воле предков (*syndyd*), и обозначали словосочетаниями: *heng lähtöu* (‘душа выходит’), *heng lendau* (‘душа улетает’). Аналогичные представления и терминология о наступлении смерти были известны финнам, собственно карелам и вепсам и, по всей вероятности, относятся к общеприбалтийско-финскому периоду. С древними воззрениями финно-угорских народов о существовании второй души-тени связан людиковский термин *it’she* ‘сам, человек’, а также представление о родимчике как предсмертном заболевании.

§ 2.1.2. «Наступление смерти и подготовка покойника к погребению» содержит информацию об обрядах, связанных с кончиной, обмыванием и обряжением умершего. Ряд способов облегчения агонии у людиков и карелов повсеместно был таким же, как у русских (шире – славян): лили воду на умирающего, хлопали досками кровли над тем местом, где он лежал, открывали печную заслонку, окно или дверь. Одним из способов было разламывание скалки над матицей – символическое действие, характерное для карелов и неизвестное славянским народам. Прибегали и к способам христианского происхождения, таким как чтение молитв (например, «“Сны” Пресвятой Богородицы», «Да воскреснет Бог»).

Анализ материалов показал, что в среде людиков были старообрядцы. С идеями беспоповского согласия связано сообщение жителя из д. Галлезеро о предпочтении исповеди скрипучему дереву, а не священнику, которое было подтверждено фактом существования в деревне в конце XIX в. старообрядческой общины.

После смерти приступали к омовению тела, которым обычно занимались пожилые женщины. По древней традиции щепки после изготовления гроба и солому, на которой лежал покойник, бросали в воду – озеро, реку. К XX в. на этот обычай оказало влияние православное учение, по которому следовало сжигать одежду и постельные принадлежности умершего.

Как было установлено, в качестве погребальной одежды (*kuolinvuattiet*) людиков конца XIX – XX в. могла использоваться: венчальная одежда (Святозеро) – отголосок бытования традиции «свадьбы-похорон», существовавший у многих индоевропейских народов; заготовленная заблаговременно чистая одежда белого цвета, сшитая швом-наметкой без узлов; повседневная (чистая или покупная) одежда (употребляется в настоящее время). Церковным канонам были продиктованы требования к погребальной одежде (чистая, белая, накрытая белым саваном), использование христианских атрибутов (кадила, венчика, разрешительной молитвы) для покойного.

§ 2.1.3. «Содержание покойного в доме» посвящен рассмотрению обрядов, связанных с периодом нахождения обряженного покойника в доме. Захоронение умершего происходило, как правило, на третий день после смерти; у северных и михайловских людиков, по более древней традиции, – через три ночи.

Православной традицией определены такие компоненты обрядности, как устройство ночных бдений (*караулов*), расположение покойника в доме головой к красному углу, горящих свечей – у икон и тела, устройство гроба (*groba; ruuhi*) по возможности скромным. В стенке гроба делалось «окошко», что связано с древними представлениями о гробе как доме для

мертвого. В прошлом у людиков, как и у многих народов, существовала традиция хоронить умерших в долбленых колодах. Она сохранялась до конца XIX в. у святозерских людиков в виде обычая захоронения детей в выдолбленных чурбанах.

Почти каждый этап похоронно-поминального ритуала был пронизан исполнением причитаний, содержащих общекарельские мотивы обращения одновременно к Богу и «белым прародителям» (*valgedad syndyd*), просьбы отпустить умершему «вечное прощение» (*igäižed proškennaižed*) и надежды на возвращение души в виде «птички-бабочки» (*liipoi-linduine*). Похоронные причитания у средних людиков на родном языке сохранялись вплоть до второй половины XX в., в конечном итоге уступив свое место молитвам.

Под влиянием мощных процессов урбанизации в похоронную обрядность внедрялись новации – обмывание покойного в ванне или на целлофановом покрытии вместо соломы, замена гробовой подстилки из листьев веника на ватную и т. д.

В § 2.2. «Похороны» дается характеристика второго цикла похоронно-поминальной обрядности, рассматриваются людиковские кладбища.

В § 2.2.1. «Обрядность дня похорон» анализируются обряды прощания и защиты живых от покойника. У людиков существовали представления карельского происхождения о заболеваниях, которые могли пристать от покойника и при посещении кладбища: *kalma* и, как его разновидность, *kuolijan n'ena* (букв. 'нос мертвого') – внутренняя болезнь. В целях защиты живых от влияния смерти и прихода покойника во сне и наяву использовались обереги – железные предметы (кочерга, гвозди, щипцы), заклинательные формулы, а также заимствованные от русских магические действия (разбивание посуды, переворачивание табуреток и скамеек, опускание гроба на пороги, выделение «доли» умершему).

Использование платка при прощании с умершим в доме (*pyhkida paikaazel pokoinieku* – 'чистить платочком покойника') (в Михайловском – при посещении могилы) выделялось людиками как элемент обряда, характерный только для них. Этот элемент распространился на некоторые поселения карелов и соседние территории вепсов и русских. После захоронения такие платки привязывали к кресту или к стволу ближайшего к могиле дерева.

Участие священника считалось важным на всех этапах людиковского похоронно-поминального обряда – от исповеди перед смертью до индивидуальных и общих поминок. В советский период после закрытия церковью функции священника взяли на себя родственники умершего. Обычно это были пожилые женщины, читавшие по-церковнославянски и владевшие знаниями о проведении церковных обрядов.

Прощальные остановки процессии с гробом характерны для общекарельской традиции. В это время причитальщица с помощью плачей прощалась за покойного с «хожеными местами». Среди людиков зафиксирован обычай просить разрешения у погребенных на кладбище о новом захоронении. Бросание елового лапника по дороге на кладбище и одаривание встречных похоронной процессии было обусловлено русским влиянием.

Покойника доставляли на кладбище разными способами: на носилках, на лодке, телеге и санях (в зависимости от расположения кладбища и времени года), машине (в настоящее время). У северных людиков обнаружены такие архаичные элементы, как транспортировка гроба с телом незамужней девушки на руках и перевозка гроба на санях в летнее время. Последний обычай сходен с некрокультурой многих народов, по представлениям которых царство мертвых находилось на севере. Эти представления отразились также в облачении покойника в теплую одежду и ориентировке могил на север на кладбище в Михайловском.

Гроб с телом опускали на льняных полотенцах (позже – веревках). Могилу каждый из участников похорон «выкупал» медными монетами и участвовал в засыпании. К обряду «выкупа земли» примыкает обязанность родственника умершего жертвовать в пользу церкви какую-нибудь часть крупного рогатого скота. Основу этой традиции составляют мифологические представления северных людиков, по которым для успешного перехода в царство мертвых душе покойного требовалось перебраться через огненную реку верхом на жертвенном животном.

У свежей могилы совершалась первая поминальная трапеза, включающая угощение *idu* или кутьей и выделение «доли» покойнику (разделка хлеба пополам и оставление половины на могильной доске).

В § 2.2.2. «Люди́ковские кладбища и могилы» отмечается, что для люди́ковских кладбищ имеются как устойчивые, характерные для остальной Карелии признаки (расположение у воды, на острове, в хвойном лесу; установка могильных досок (*kalmalaud*) на кладбищах северных и средних люди́ков; подвязывание к крестам «ветровых платков»; вырубание карсикко в память об умершем, а также в качестве символического преграждения обратного пути покойнику), так и заимствования, возможно, с более южных территорий (погребения в березовой роще или песчаных грядах; установка можжевельного креста и т. д.).

Третий цикл похоронно-поминальной обрядности люди́ков представлен в § 2.3. «Поминальная обрядность».

В § 2.3.1. «Индивидуальные поминки» дана характеристика поминкам (*muistaizet; pominkad*), которые отмечались на третий, девятый, двадцатый, сороковой дни (*sorotsinat* ‘сорочи́ны’), полгода (*puolivuo dehine*) и год (*kogovuod pomintkat*) после смерти каждого человека. Эти даты определены церковным учением. У средних и южных люди́ков зафиксирована более архаичная прибалтийско-финская традиция проведения шестинедельных поминок (*kuuz'nedälized*), причем вытеснение шестинедельного срока церковными сорочи́нами у люди́ков произошло гораздо раньше, чем у соседей-ливвиков.

В поминальном цикле карелов-люди́ков к обрядам славянского происхождения относятся: прикасание к печи и заглядывание в нее, некоторые способы избавления от тоски по покойному, развешивание полотенец в определенных местах дома на сорочи́нах. До начавшихся в 1920-е гг. антицерковных гонений люди́ковская обрядность сорокового дня состояла как из разнообразных ритуалов народного происхождения, так и православных: панихид и литий, которые священник с причтом совершали сперва в церкви, а затем на кладбище и в доме. У люди́ков Святозера бытовали языческо-христианские синкретические обряды в виде «явления» душ усопших на поминки вместе со священником.

Проведенный анализ позволил выделить три ареальных типа ритуала сорочи́н у люди́ков, соответствующих их членению на три диалекта. I тип ритуала был распространен среди михайловских люди́ков. По времени проведения он сходен с вепским и, возможно, связан с влиянием вепсов. Началом сорочи́н был вечер 39-го дня, а окончанием – полдень 40-го дня. II тип был распространен у средних люди́ков. Он по многим элементам имеет сходство с носителями приграничных диалектов собственно карельского наречия (Суоярви, Иломанси) и ливвиками. Начало его совершения – 40-й день до полудня, окончание – около двух часов дня. Для него характерен архаизм многих обрядов, связанных с культом предков: «встреча» души умершего на подушке, «созыв» и «присутствие» всех предков на поминках, развешивание большого количества полотенец, «согревание» и «кормление» души на печи и ее «проводы» до ворот или перекрестка. III тип ритуала распространен у северных люди́ков и по времени проведения совпадал с II типом. Его отличает упрощенность, отсутствие архаики.

В § 2.3.2. «Общие поминальные дни» анализируются календарные поминки (*mušt šisuobat*) у люди́ков, которые проводились в церковные даты поминовения умерших (Радоница, Троицкая суббота, Дмитриевская суббота), также в деревенские престольные праздники, а в некоторых деревнях – и в народные даты, например в Святозере – перед Крещением (ср. «Рождество мертвых» у северных карелов).

В **Заключении** подводятся итоги исследования; обобщаются выводы, сформулированные в главах работы.

Сравнительно-исторический анализ обрядов жизненного цикла люди́ков позволил выделить в них этнические компоненты, составившие определенные наслоения на разных этапах развития субэтнуса различной степени интенсивности. Самым ранним является прибалтийско-финский пласт, сохранившийся в культуре карелов-люди́ков в основном на уровне обрядовой терминологии. К карельскому пласту относятся лексика и обряды, присущие

карельскому населению. Карельское влияние проходило с запада, затронув в наибольшей степени территории средних и северных людиков. Некоторые архаичные черты сохранились в виде языческо-христианских синкретических форм. Вепский пласт слабо отразился в людиковской обрядности, проявившись в основном у михайловских людиков, территориально более тяготевших к вепскому Присвирию, чем к ливвиковскому Ладожскому ареалу.

Русский пласт оказался преобладающим в людиковской обрядности, распространяясь в основном с восточной территории, где проходила новгородская колонизация. Севернорусская свадьба, в частности заонежская, оказала сильнейшее влияние на южнокарельскую свадьбу и в особенности на людиковскую. Воздействие русской культуры на карельско-людиковскую усиливалось за счет православия как официальной религии, что наиболее полно отразилось в похоронно-поминальной обрядности. Утвердившееся в советском кареловедении мнение, что основная масса карельского народа неохотно обращалась в церковь для отправления церковных обрядов во время свадеб и похорон, кажется необоснованным и вызванным политической установкой того времени.

Не все описанные компоненты традиционной свадебной и похоронно-поминальной обрядности людиков были равномерно распространены на территории расселения людиков. Для севернолудиковского ареала характерен сплав карельского и русского компонентов, здесь наиболее заметны влияние православия и модернизация многих элементов. В среднелюдиковском ареале очевидны преобладание карельского компонента и чрезвычайный архаизм некоторых элементов обрядности. У михайловских людиков прослеживается влияние вепского и значительного русского компонентов.

#### **Список работ автора, опубликованных по теме диссертации:**

(общий авторский вклад – 8,25 п. л.)

##### *Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:*

1. Похоронно-поминальная обрядность карелов-людиков (по материалам первой этнографической экспедиции Р. Ф. Тароевой) // Труды Карельского научного центра РАН. Серия: Гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 104–112. (авт. вклад – 0,8 п. л.);
2. Поминальная обрядность карелов-людиков: ареальная характеристика на фоне общих и локальных традиций соседних народов // Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 152–170. (в соавт. с И. Ю. Винокуровой; общ. вклад – 1,5 п. л., авт. вклад – 0,75 п. л., SCOPUS);
3. Сватовство карелов-людиков: время, участники, атрибуты в свете картографирования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 97–106. (авт. вклад – 0,9 п. л.);
4. Представления и обряды православного происхождения в похоронно-поминальной обрядности карел-людиков и их динамика // Финно-угорский мир. 2019. № 2. С. 183–194. (авт. вклад – 1 п. л.);
5. Пожилая женщина в карельской традиционной культуре: возрастные рубежи и социокультурный статус // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, вып. 1. С. 116–126. (в соавт. с Ю. В. Литвин; общ. вклад – 1 п. л., авт. вклад – 0,3 п. л., Web of Science).

##### *Другие научные публикации:*

6. Этнографическое изучение карелов-людиков в 1950-е гг. [Электронный ресурс] // Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере: материалы научной конференции (Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 135–139. URL: [http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi\\_stati/bubrih\\_cht\\_2015.pdf](http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrih_cht_2015.pdf). (авт. вклад – 0,4 п. л.);



7. Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов (по материалам этнографических экспедиций Р. Ф. Тароевой в 1950-е гг.) // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения: сб. статей. СПб.: Европейский Дом, 2016. С. 385–394. (авт. вклад – 0,5 п. л.);
8. Роль миграций в сложении карелов-людигов // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 37–45. (авт. вклад – 0,4 п. л.);
9. Сватовство у карелов-людигов (по материалам экспедиций Р. Ф. Тароевой и Ю. Ю. Сурхаско). [Электронный ресурс] // Краеведческие чтения: материалы X научной конференции (11–12 февраля 2016 г.). Петрозаводск: НБ РК, 2016. С. 197–201. URL: <http://library.karelia.ru/files/7533.pdf>. (авт. вклад – 0,4 п. л.);
10. Историко-этнографическая экспедиция к карелам-людикам: полвека спустя // Живая старина. 2017. № 2. С. 52–55. (в соавт. с Ю. В. Литвин; общ. вклад – 0,4 п. л., авт. вклад – 0,2 п. л.);
11. Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов. Проблемы реконструкции // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы: XII Конгресс антропологов и этнологов России (Ижевск, 3–6 июля, 2017 г.): сб. материалов. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 355. (авт. вклад – 0,05 п. л.);
12. По следам первой этнографической экспедиции Р. Ф. Никольской к карелам-людикам: 60 лет спустя // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов» (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 238–250. (в соавт. с Ю. В. Литвин; общ. вклад – 0,6 п. л., авт. вклад – 0,3 п. л.);
13. Сватовство в свадебном ритуале карелов-людигов на фоне традиций этнолокальных карельских групп и соседних народов // Динамика этнокультурных процессов. Актуализация и музеефикация этнического: в поисках себя: тезисы Четвертой всероссийской (с международным участием) конференции аспирантов, студентов и молодых ученых (13–15 апреля 2018 г.). СПб.: СПбГУ, 2018. С. 93–95. (авт. вклад – 0,1 п. л.);
14. Сватовство в свадебном ритуале карелов-людигов (некоторые итоги реконструкции и этнографического исследования) // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 190–218. (авт. вклад – 1,6 п. л.);
15. Бабушка в традиционной карельской культуре: социальный статус и роли // XIII Конгресс антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.): сб. материалов. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 320. (в соавт. с Ю. В. Литвин; общ. вклад – 0,04 п. л., авт. вклад – 0,02 п. л.);
16. История изучения и этническая идентификация карелов-людигов в работах исследователей конца XIX – XX веков // Folklore and written traditions of the finno-ugric peoples: abstracts of the 7th day of Agricola conference. Narva: University of Tartu Narva College, 2019. P. 17. (авт. вклад – 0,06 п. л.);
17. Страх и веселье в похоронно-поминальной обрядности карелов-людигов // XIII Конгресс антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.): сб. материалов. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 28. (авт. вклад – 0,04 п. л.);
18. К вопросу об этнической идентификации карелов-людигов. [Электронный ресурс] // Бубриховские чтения: задокументированное народное слово: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 51–54. URL: [http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi\\_stati/bubrihovskie\\_chtenija\\_2020.pdf](http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrihovskie_chtenija_2020.pdf). (авт. вклад – 0,4 п. л.);

19. Regarding the ethnic identification of the Ludians issue [Электронный ресурс] // XXXVI IFUSCO: Book of Abstracts (University of Latvia, 11.05.2021–12.05.2021). Riga: University of Latvia, 2021. P. 38–39. URL: <http://ifuscoriga.lu.lv/abstracts> (авт. вклад – 0,03 п. л.).